

Посвящается Ширли

Unless some sweetness at the bottom lie,
Who cares for all the crinkling of the pie?

*William King, The Art of Cookery**

* «Если на корочке торта сладость, кого волнует сердцевина?»
Уильям Кинг, «Искусство кулинарии» (англ.).

1

глава

•

В чулане было темно, хоть глаз выколи. Они втолкнули меня туда и заперли дверь. Я тяжело дышала, отчаянно пытаюсь успокоиться. Считаю до десяти на каждом вдохе и до восьми, медленно выдыхая во мрак. К счастью, они не настолько глубоко засунули кляп мне в рот, чтобы я не могла дышать, и я раз за разом втягивала в себя застоявшийся, пахнущий плесенью воздух.

Я попыталась подцепить ногтями шелковый шарф, которым мне связали руки за спиной, но поскольку все время обгрызала их до мяса, у меня ничего не получилось. Мне здорово повезло, что я сообразила сжать кончики пальцев, сделав арку, чтобы пошире расставить ладони, когда они затягивали узлы.

Сейчас я повертела запястьями, сильно прижимая их друг к другу, пока не ощутила легкий зазор, большими пальцами стянула шелк, чтобы узлы оказались между ладонями, а потом между пальцами. Если бы у них хватило ума связать мне большие пальцы, у меня не было бы шансов. Что за идиотки!

Наконец освободив руки, я быстро управилась с кляпом.

Теперь дверь. Но сначала, дабы убедиться, что они не притаились за ней в ожидании, я присела на корточки

и изучила в замочную скважину чердак. Слава небесам, что они унесли ключ с собой. Никого не было видно в поле зрения: за исключением путаницы колеблющихся теней, рухляди, старинных безделушек, длинный чердак был пуст. Путь был свободен.

Ощупав заднюю стену чердака над головой, я отвинтила проволочный крюк от вешалки для одежды. Уперев загнутый конец крюка в замочную скважину и надавив на другой конец, я смогла изогнуть его буквой «Г»; воткнула импровизированный крюк внутрь старого замка. Немного ловкости и умения — и послышался заветный щелчок. Это оказалось даже слишком легко. Дверь распахнулась, и я очутилась на свободе.

Я скатилась по широкой каменной лестнице в холл, на миг задержавшись перед дверью в столовую, чтобы отбросить косячки за спину, на их привычное место.

Отец хотел, чтобы обед сервировали ровно в час на массивном дубовом длинном узком обеденном столе, точно так, как это было при жизни мамы.

— Офелия и Дафна еще не спустились, Флавия? — раздраженно поинтересовался он, подняв взгляд от последнего выпуска «Британского филателиста», лежащего рядом с мясом и картофелем.

— Я их давно не видела, — ответила я.

Это правда. Я их давно не видела — с тех пор, как они сунули мне кляп в рот и завязали глаза, потом, беспомощную, втащили по лестнице на чердак и заперли в чулане.

Отец смотрел на меня поверх очков обязательные четыре секунды, прежде чем вернуться к поглощению пищи.

Я одарила его широкой улыбкой — достаточно широкой, чтобы предоставить ему хороший вид на брекеты, сдавливающие зубы. Хотя они делали меня похожей на дирижабль без оболочки, отец любил, когда ему напоми-

нали, что он не зря потратил деньги. Но на этот раз он был слишком занят, чтобы заметить это.

Я сняла крышку со спонудовского* блюда с овощами, вручную разрисованного бабочками и ягодами малины, и положила себе щедрую порцию горошка. Пользуясь ножом вместо линейки и вилкой вместо шила, я расставила горошины на тарелке аккуратными рядами и колоннами: шеренга за шеренгой зеленых шариков, расположенных с точностью, восхитившей бы самого придирчивого швейцарского часовщика. Затем, начав с нижнего левого угла, я подцепила вилкой первую горошину и съела ее.

Это вина Офелии, и только ее. В конце концов, ей семнадцать лет, поэтому предполагается, что она обладает хотя бы толикой зрелости, которая должна быть присуща взрослому человеку. То, что она объединилась с тринадцатилетней Дафной, просто несправедливо. На двоих им целых тридцать лет! Тридцать лет — против моих одиннадцати. Это не только неспортивно, это ужасно мерзко. И я обязана отомстить.

Утром на следующий день я возилась с колбами и сосудами в своей химической лаборатории на верхнем этаже восточного крыла дома, как вдруг ворвалась Офелия, не отягощая себя хорошими манерами.

— Где мое жемчужное ожерелье?

Я пожала плечами:

— Я не стерегу твои безделушки.

— Я знаю, что ты его взяла. Мятные конфетки, лежавшие в ящике для белья, тоже исчезли, и я не раз замечала, что пропадающие в этом доме конфетки оказываются в одном и том же грязном ротике.

* «Спонуд» — марка английского фарфора, по имени основателя фирмы Дж. Спюда.

Я отрегулировала огонь спиртовки, подогревающую мензурку с красной жидкостью.

— Если ты намекаешь, что моя личная гигиена не соответствует твоим высоким стандартам, походи и оближи мои галоши.

— Флавия!

— Так и сделай. Мне надоело, что меня постоянно видят во всем, Фели.

Но мое праведное негодование скисло, когда Офелия близоручко уставилась на рубиновую мензурку, начавшую закипать.

— Что это за липкая масса на дне? — Ее длинный маникюрный палец постучал по стеклу.

— Эксперимент. Осторожно, Фели, это кислота.

Лицо Офелии побелело.

— Это же мой жемчуг! Это же мамино ожерелье!

Офелия — единственная из дочерей Харриет, называвшая ее мамой: единственная из нас достаточно взрослая, чтобы сохранить воспоминания о выносившей нас женщине из плоти и крови; Офелия никогда не позволяла нам забывать об этом. Харриет погибла, совершая восхождение в горы, когда мне был всего год, и в Букшоу о ней редко говорили.

Ревновала ли я к воспоминаниям Офелии? Возмущалась ли я? Не уверена, что все было так просто, в действительности все было намного сложнее. Некоторым странным образом я относилась к воспоминаниям Офелии о нашей матери с презрением.

Я медленно подняла голову от своей работы, так чтобы круглые стекла очков сверкнули белым светом. Я знала, когда я так делаю, Офелия с ужасом думает, что попала в общество безумного немецкого ученого из черно-белого фильма в «Гомонте»*.

* «Гомонт» — сеть английских кинотеатров.

— Дрянь!

— Ведьма! — парировала я, подождав, пока Офелия развернется на каблуках — довольно аккуратно, заметила я, — и вылетит за дверь.

Возмездие не заставило себя долго ждать, так было всегда, когда я имела дело с Офелией. В отличие от меня Офелия не была склонна к длительному планированию и не знала, что месть лучше подавать холодной.

После обеда, когда отец спокойно вернулся в кабинет чахнуть над коллекцией марок, Офелия слишком спокойно отложила серебряный нож для масла, в котором последние пятнадцать минут разглядывала себя с любопытством попугайчика. Без предисловий она заявила:

— Ты знаешь, на самом деле я тебе не сестра... И Дафна тоже. Вот почему мы совсем на тебя не похожи. Не думаю, что тебе когда-нибудь приходило в голову, что тебя удочерили.

Я со стуком уронила ложку.

— Это неправда. Я вылитая Харриет. Все так говорят.

— Она взяла тебя в приюте для детей, рожденных незамужними женщинами, именно из-за этого сходства, — с противным видом заявила Офелия.

— Какое могло быть сходство между взрослой женщиной и ребенком? — Я не лезла за словом в карман.

— Ты ей напомнила ее детские фотографии. Боже мой, она даже принесла их с собой, чтобы сравнить.

Я воззвала к Дафне, уткнувшейся в кожаный переплет «Замка Отранто».

— Это ведь неправда, Даффи?

— Боюсь, что правда, — ответила Дафна, лениво переверачивая страницу из тонкой гладкой бумаги. — Отец всегда говорил, что это будет шоком для тебя. Он заставил нас пообещать, что мы тебе никогда не скажем. По край-

ней мере до тех пор, пока тебе не исполнится одиннадцать. Мы дали ему клятву.

— Зеленый кожаный саквояж, — продолжала Офелия. — Я видела его своими глазами. Я видела, как мамочка кладет в него свои детские фотографии, чтобы отнести в приют. Хотя тогда мне было только шесть лет — почти семь, — я никогда не забуду ее белые пальцы... пальцы на медных застежках.

Я выскочила из-за стола и в слезах выбежала из комнаты. На самом деле я не думала о яде, по крайней мере, до следующего утра.

Как все гениальное, это оказалось просто.

Букшоу был домом для нашей семьи, семьи де Люсов, с незапамятных времен. Теперешний дом в георгианском стиле построили вместо елизаветинского, сожженного дотла крестьянами, заподозрившими де Люсов в симпатии к оранжистам. Тот факт, что мы в течение четырех столетий были яркими католиками и оставались таковыми до сих пор, ничего не значил для возмущенных обитателей Бишоп-Лейси. «Старый дом», как его называли, разрушили, а новому, построенному на его месте, исполнилось уже почти триста лет.

Затем наши предки, Энтони и Уильям де Люсы, не поладили по поводу Крымской войны и испортили первоначальный замысел. Каждый пристроил к дому по крылу, Уильям — восточное, а Энтони — западное.

Каждый стал затворником в своих владениях и запретил другому пересекать черную линию, разделившую усадьбу напополам от вестибюля через фойе и до уборной дворецкого за черной лестницей. Их две пристройки из желтого кирпича в викторианском стиле обрамляли дом, словно связанные крылья кладбищенского ангела, что с моей точки зрения придавало большим окнам и ставням

георгианского фасада Букшоу чинный и удивленный вид старой девы со слишком туго уложенным пучком волос.

Следующий де Люс, Тарквин, или Тар, как его называли, в результате неслыханного нервного срыва погубил на корню то, что обещало стать блестящей карьерой химика, и был исключен из Оксфорда тем летом, когда королева Виктория праздновала серебряный юбилей.

Снисходительный отец Тара, заботясь о слабом здоровье наследника, не пожалел средств и оборудовал лабораторию на верхнем этаже восточного крыла Букшоу; здесь были немецкое стекло, немецкие микроскопы, немецкий спектроскоп, медные химические весы из Люцерна и сложной формы гейслерова труба ручной работы, к которой Тар мог присоединить электрические провода, чтобы изучать флуоресценцию различных газов.

На столе около окна установили микроскоп Лейтца, медный корпус которого до сих пор сиял первозданным теплым блеском, как в тот день, когда его привезли на тележке, запряженной пони, в Букшоу. Его отражающее зеркало можно было повернуть под таким углом, чтобы поймать первые бледные лучи утреннего солнца, в то время как для пасмурных дней и для использования в темное время суток он был оборудован парафиновой лампой лондонской фирмы Дэвидсона и К°.

Здесь имелся даже человеческий скелет на подставке с колесами, подаренный двенадцатилетнему Тару великим натуралистом Фрэнком Бакландом, чей отец съел мумифицированное сердце короля Людовика XIV.

Три стены лаборатории от пола до потолка занимали шкафы со стеклянными дверцами, два шкафа были заставлены рядами химикатов в стеклянных аптекарских мензурках с наклеенными этикетками, подписанными аккуратным каллиграфическим почерком Тара де Люса,

который в конце концов перехитрил судьбу и пережил всех. Он умер в 1928 году в возрасте шестидесяти лет посреди своего химического королевства, где на следующий день его обнаружила домоправительница. Один его мертвый глаз продолжал слепо разглядывать что-то в своем любимом Лейтце. Ходили слухи, что он занимался разложением первого порядка динитрогена пентоксида. Если это правда, значит, это первое письменно зафиксированное исследование реакции, которая впоследствии привела к изобретению атомной бомбы.

В течение долгих пыльных лет лаборатория дяди Тара была заперта и пребывала в душевной тишине, пока не начало проявляться то, что отец именовал моими «странными склонностями», и я не предьявила на нее права.

Я до сих пор трепещу от счастья, вспоминая дождливый августовский день, когда Химия вошла в мою жизнь.

Я покоряла вершины книжных шкафов, воображая себя знаменитой альпинисткой, когда моя нога соскользнула и на пол упала тяжелая книга. Подняв ее, чтобы расправить смявшиеся страницы, я увидела, что в ней не только слова, но и дюжины рисунков. На некоторых из них лишенные тела руки наливали жидкости в любопытной формы стеклянные сосуды, выглядевшие словно музыкальные инструменты из другого мира.

Книга называлась «Основы химии», и через несколько минут я узнала, что слово «йод» происходит от слова, обозначающего лиловый, и что слово «бром» образовано от греческого слова, означающего зловоние. Это были именно те вещи, которые мне следовало знать! Я сунула толстый красный том под свитер и унесла его наверх и лишь намного позже заметила, что на форзаце написано имя — Х. де Люс. Книга принадлежала Харриет.

Вскоре я обнаружила, что провожу за книгой каждую свободную минуту. Бывали вечера, когда я не могла до-

ждаться когда можно было идти спать. Книга Харриет стала моим тайным другом.

В ней были описаны все щелочные металлы: металлы со сказочными названиями вроде лития и рубидия; щелочноземельные — стронций, барий и радий. Я громко ликovala, прочитав, что радий открыла женщина — мадам Кюри.

Потом были отравляющие газы — фосфин, арсин (один пузырек которого, как известно, был смертелен), пероксид азота, сероводородная кислота... Конца и края этому не было. Когда я обнаружила, что в книге описаны химические формулы этих веществ, я была на седьмом небе от счастья.

Как только я научилась разбираться в химических уравнениях типа $K_4FeC_6N_6 + 2 K = 6 KCN + Fe$ (описывающего, что происходит, когда желтую кровяную соль нагревают с углекислым калием для получения цианистого калия), передо мной открылся новый мир: я словно наткнулась на книгу рецептов, некогда принадлежавшую лесной ведьме.

Больше всего меня волновало вот что: каким образом все на свете — абсолютно все! — удерживается воедино невидимыми химическими узами, и я находила странное, невыразимое утешение в том, что где-то, пусть мы этого не видим в нашем мире, есть подлинная стабильность.

Сначала я не связала между собой книгу и заброшенную лабораторию, которую обнаружила еще ребенком. Но когда это произошло, моя жизнь обрела смысл.

Тут, в лаборатории дяди Тара, полка за полкой стояли книги по химии, которые он заботливо собирал, и вскоре я обнаружила что с приложением некоторых усилий большинство из них находится в пределах моего понимания.

Затем начались простые эксперименты, и я пыталась соблюдать инструкции вплоть до последней буквы. Не ска-

жу, что обошлось без взрывов и плохих запахов, но лучше об этом не упоминать.

С течением времени мои записные книжки делались все толще. Мои труды обрели бо́льшую утонченность, когда мне открылись тайны органической химии, и я бурно радовалась новооткрытым сведениям о том, что так легко можно получить из природы.

Особенной моей страстью были яды.

Я расчищала себе путь среди растений бамбуковой тростью, открученной от зонтика, стоявшего в холле. Здесь, в огороде, высокие стены из красного кирпича еще не впитали солнечное тепло; все было пропитано шедшим ночью дождем.

Пробираясь сквозь остатки прошлогодней нескошенной травы, я брела вдоль стены до тех пор, пока не нашла то, что искала, — лужайку с яркими листьями, алый блеск которых позволял легко обнаружить их трилистные пучки среди прочих растений. Нацепив хлопчатобумажные перчатки, которые я предусмотрительно заткнула за пояс, и насвистывая в вольной интерпретации «Биббиди-боббиди-бу»*, я приступила к работе.

Позже, в безопасности моего *sancta sanctorum* — святая святых, — я наткнулась на эту замечательную фразу в биографии Томаса Джефферсона и присвоила ее, — не снимая перчаток, я сложила листья в стеклянную реторту и утрамбовала. Далее пришел черед моего любимого занятия.

Закупорив реторту, я прикрепил ее с одной стороны к сосуду с кипящей водой, а с другой — к стеклянному змеевику-конденсатору, открытый конец которого находился над пустой мензуркой. Вода бурлила, и я следила, как пар проникает через трубку в реторту с листьями. Они уже

* Песенка Золушки из диснеевского мультфильма.

начали съеживаться и вянуть, по мере того как горячий пар открывал их крошечные поры, экстрактируя масла.

Именно так древние алхимики практиковали свое искусство: огонь и вода, вода и огонь. Дистилляция.

Как я любила это дело!

Дистилляция. Я произнесла это слово вслух:

— Дистилляция!

И с благоговейным трепетом наблюдала, как пар охладился и конденсировался в змеевике, и в восторге заломила руки, когда первая прозрачная капля жидкости повисла на краю змеевика и затем с едва слышным «кап» упала в ожидающий резервуар.

Когда вода выкипела и процесс был доведен до конца, я погасила огонь и оперлась подбородком на ладони, зачарованно наблюдая, как жидкость в мензурке разделилась на два различных слоя: чистая дистиллированная вода на дне и желтоватая жидкость над ней. Это было эфирное масло из листьев. Оно называлось «урушиол» и использовалось, кроме всего прочего, в производстве лака.

Покопавшись в кармане джемпера, я извлекла блестящий золотой тюбик. Открыла колпачок и не удержалась от улыбки при виде красного содержимого. Помада Офелии, похищенная из ящика ее туалетного столика вместе с жемчугами и мятными конфетками. И Фели — мисс Носовой Платок — даже не заметила пропажу.

Вспомнив о мятных конфетках, я сунула одну горошинку в рот и с хрустом раскусила ее.

Сердцевина помады довольно легко извлекалась, и я снова зажгла спиртовку. Чтобы превратить воск в липкую массу, требовалась невысокая температура. Если бы Фели только знала, что помаду делают из рыбьей чешуи, думаю, что она бы менее охотно мазала рот этой штукой. Надо не забыть сказать ей. Я ухмыльнулась. Позже.

С помощью пипетки я добыла капли эфирного масла, плававшего на поверхности воды в мензурке, и капля за каплей начала аккуратно капать его в растаявшую помаду, энергично помешивая смесь деревянным шпателем.

Слишком жидко, подумала я. Сняла с полки банку и добавила чуть-чуть пчелиного воска, чтобы восстановить исходную консистенцию.

Снова настало время для перчаток — и для литейной формы для пуля, которую я стащила из действительно очень приличного оружейного музея в Букшоу.

Забавно, не так ли, что диаметр помады точно соответствует сорок пятому калибру? Полезная информация, на самом деле. Я должна буду обдумать возможности ее использования сегодня вечером, когда устроюсь в кровати. Сейчас я слишком занята.

Извлеченная из формы и охлажденная под проточной водой, восстановленная красная помада аккуратно поместилась на прежнее место в золотой тубик.

Я вывернула и ввернула ее обратно несколько раз, чтобы убедиться, что все в порядке. Потом я закрыла колпачок. Фели спит долго и будет долго канителиться за завтраком.

— Где моя помада, маленькая дрянь? Что ты с ней сделала?

— Она в трюмо, — ответила я. — Я заметила ее там, когда воровала твой жемчуг.

За свою короткую жизнь, в тисках двух сестер, мне пришлось отточить язычок.

— Ее нет в ящике. Я только что смотрела, ее там не было.

— А ты надела очки? — хмыкнула я.

Хотя отец заставил всех нас обзавестись очками, Фели отказывалась носить свои, а мои стекла мало чем отлича-

